

Федоров, Петр Петрович

Беларусь, Гомель

Октябрь 2005 г.

(с сокращениями)

Уважаемые господа!

С удовольствием исполняю Вашу просьбу и сообщаю о своей жизни с юных лет и до сегодняшнего дня.

Я родился в 1921 г. в Смоленской области, в семье крестьянина-середняка. В 1937 г. в нашей семье было семеро детей, двое девочек и пятеро мальчиков. Детство я провел в деревне. С детских лет начал работать, вначале на своем участке, потом на колхозном поле. Отец жил в Ленинграде. Он поехал туда в 1934 г., чтобы поддерживать семью. В 1937 г. мне удалось получить паспорт, и после окончания 7 класса школы я отправился в Ленинград на учебу. Почти год я проработал монтером-телефонистом на кожаной фабрике, параллельно учился в вечерней школе. В 1938 г. поступил в Ленинградский топографический техникум. В 1941 г. отец вернулся назад в деревню. В том же году, после окончания третьего курса, меня отправили в Ярославскую область для составления топографических карт.

Когда началась война, топографов освободили от призыва. Но я пошел в ноябре в военкомат с просьбой отправить меня в действующую армию. После многочисленных просьб меня все же призвали и отправили в отдел топографической разведки 276-го артполка.

В декабре 1941 г. мы дошли по направлению к Калинин до Ржева и преследовали отступавшие немецкие войска, вначале подо Ржевом, потом в г. Белый. В марте 1942 г. я был ранен в руку во время бомбардировки наших позиций. Всю зиму мы провели в окопах и в шалашах из еловых веток. Снабжение продовольствием и боеприпасами было очень плохим. В апреле мы вынуждены были 8 километров вручную тащить снаряды через непроходимые дороги. Зима 1941-1942 гг. была очень холодной. Чтобы согреться у костра, нужно было вначале снять валенки и срезать с них ледяные наросты. Удивительно, что никто не простудился и не заболел.

Моя задача как топографа было выявление огневых позиций и окопов противника и нанесение их на карту. Для этого иногда было необходимо продвигаться до вражеских позиций еще до пехоты. В один из дней в начале июня при определении точке ведения огня я попал под обстрел. Осколок разорвавшегося снаряда ранил меня в правое плечо. 5-7 дней я провел в лазарете, затем вернулся в свою часть. Меня назначили командиром топографического взвода, а после прибытия лейтенанта (его предшественник погиб) я стал заместителем командира взвода.

В конце июня наш полк перебросили на другой участок фронта с целью пресечения прорыва сил противника. Уже при приближении к этому району наша часть подверглась массовой атаке с воздуха. Многие солдаты и командиры погибли. Когда мы разрозненными группами попали на нужный участок фронта, стало понятно, что мы окружены. С остатками взвода мы искали штаб дивизии. Местность была лесистой. Мы

нашли начальника штаба дивизии в полном одиночестве. В том же лесу располагалась пехотная дивизия, командир которой, генерал, был ранен. Это уже не была армия. Это были кучки людей, часть из которых была охвачена паническим страхом. От начальника штаба я узнал, что он направил в разные стороны разведчиков, чтобы выяснить возможные места прорыва окружения. Но ни один разведчик не вернулся. Тогда мы, группа в несколько тысяч человек стали двигаться через лес. Приказ отдал генерал, которого несли на носилках. Этот приказ показался мне стратегически непродуманным. Так мы прошли, наверно, метров 500 и попали в немецкую засаду. Началась хаотичная стрельба. Мы не могли понять, откуда именно стреляют. Казалось, огонь идет со всех сторон. Мы не знали, куда стрелять в ответ. У большинства уже не было патронов. Появились раненые и убитые, много. С остатками взвода я ползком выбрался из этого ада. Нас собралось человек 10-11, включая лейтенанта медицинской службы и какого-то старшего сержанта. Никто из нас не знал, куда идти и как выбраться из окружения без потерь. Мы слонялись дней 10 по лесу, питались кониной без соли. Немецкие войска прочесывали лес в поисках остатков наших частей. У нас было 2-3 перестрелки с немцами, после которых мы расходились в разные стороны. Патроны были на исходе. Немцы особо не рисковали. Они понимали, что мы и другие «окруженцы» никуда не денемся. А мы тогда не знали, что вся эта территория уже под контролем немцев, и линия фронта очень далеко от нас. Но мы считали, что нам удалось найти слабое место в кольце окружения. Вечером 12 июля мы посчитали, что нашли такое место. Спрятались метрах в 200 от предполагаемого места прорыва, чтобы переночевать. Утром нас разбудили крики «Руки вверх!»

У нас забрали сапоги и выдали поношенную обувь. Посадили за колючую проволоку на голой земле. Мы были измождены и голодны. 1-2 дня не было воды, про еду вообще молчу. Потом нас построили в колонну, растянувшуюся более чем на километр, и повели в город Оленино Калининской области. По пути я потерял сознание и упал. Друзья помогли мне подняться и поддерживали меня. Так мы шагали дальше. Отставшие военнопленные, раненные и истощенные, были расстреляны. В Оленино отдели от группы 200 человек и погнали дальше. Так мы достигли небольшого лагеря. Там нам дали немного еды. Мы работали на строительстве дорог через осушенный от болот лесной массив. Работа была очень тяжелой. Я опух от недоедания и непосильного труда. Мне казалось, что все тело наполнено водой. Лицо опухло, возникали кровавые волдыри. Даже глаза кровоточили. Однажды мы нашли в болоте утонувшую лошадь, которая наверняка там лежала с осени 1941 г. Она уже пахла соответственно, мясо было синим. Мы наполнили этим мясом котел, пожарили на огне и съели. В лесу можно было найти лягушек. Это тоже было для нас питанием. Почти все 200 человек умерли от истощения, но я еще был в строю. Взамен нам прислали еще 200 человек, затем новую колонну в 150. Смертность была, по-прежнему, высока. К концу года оставались 10-15 человек. Я был похож на мумию. Когда за нами прибыла машина, я мог только перебросить через борт грузовика голову и туловище, в остальном мне помогли санитары. Меня привезли в лагерь в Оленино. Там питание было лучше, но все равно не хватало.

В январе 1943 г. нас перебросили в Сычевку, в 40 км от моего родного города Вязьма. Там я заболел тифом. Выжил. Снова истощение. Я не мог идти на построение и спрятался за стеной сарая. Русский пленный, который не шел на построение, мог быть расстрелян.

Команда, которая собирала трупы, нашла меня почти без признаков жизни. Меня положили перед дверью барака, оттуда забирали умерших. На мое счастье с работы как раз возвращались мои товарищи. Без их помощи я бы не выжил. Для того, чтобы оживить меня, двое пошли на кухню в надежде раздобыть для меня баланды. Повар был моим земляком, из деревни, расположенной в 5 км от моей. Он налил целое ведро жидкого супа из шкурок картошки и немного муки. От жуткого голода я выпил сразу половину ведра, остальное досталось моим друзьям. Силы восстановились, я смог стоять.

В конце февраля 1943 г. некоторые пленные должны были быть отправлены в другой лагерь. При посадке в товарный вагон я спрятался под вагоном и добрался до конца станции. Неподалеку был виден лес, в котором я надеялся встретить партизан. Был морозный зимний вечер. Темнело. Я хотел, воспользовавшись темнотой, перебраться в лес, но сил не хватало, я двигался очень медленно. Где-то через 100 метров слева от меня появился солдат-поляк в немецкой форме и крикнул: «Эй, русский, стой!» Дальше двигаться не было смысла. Я остановился и стал ждать расплаты. Солдат с силой ударил меня в лицо. Я упал, но сумел подняться. Поляк отвел меня в вагон, где находились еще человек 30 пленных. Они готовили вагоны для отправки раненных немецких солдат в Германию. Я поработал в этой команде, потом был снова отправлен в большой лагерь.

В апреле и мае я прибыл на поезде в город Ярцево. Там тоже пришлось работать. Унтер-офицер собрал рабочую команду и приказал мне стать в строй к здоровым. Впоследствии я был ему очень благодарен за то, что он выбрал меня, низкорослого худого парня, для погрузки-разгрузки продуктов питания. Здесь я окреп и уже мог носить груз до 50 кг. Осенью 1943 г. я был отправлен на погрузку артиллерийских снарядов. Обращение с нами и питание было не слишком хорошим, но значительно лучше, чем в 1942 г. Чем больше поражений терпели немцы на фронте, тем более гуманно обращались они со своими пленными. В мае 1944 г. нас отправили из города Лида в Германию, в лагерь в Лукенвальде. Нас провели по городу, жители нас рассматривали. Недалеко от города располагался палаточный карантинный лагерь. Еда тут была очень плохой. Мы не работали. Мне помогли некоторые запасы продуктов, которые мне удалось скопить в Ярцево. Потом нас уже разместили в общем лагере Лукенвальде.

Работа заключалась в литье железобетонных конструкций. Потом нас отправили в город Виттсток для работы в сельском хозяйстве. В феврале 1945 г. я бежал. Меня поймали и отправили в лагерь в Постдаме, а затем в тюрьму. Потом был штрафной лагерь в Рехаген-Клаусдорф.

В начале апреля 1945 г. всех пленных построили в колонну и отправили на запад. От одного из солдат я узнал, что нас гонят навстречу наступающим американцам. Я договорился с солдатом, что я сбегу, а он сделает вид, что этого не заметил. Он вообще никак на это не прореагировал. На обочине дороги рос густой кустарник, он скрывал меня от других конвойных. Мы решили бежать впятером, но потом группа выросла до 30 человек. До утра мы просидели в каком-то болоте. Утром выяснилось, что мы находимся на территории советской 61-й танковой бригады. Нас допросили, снабдили оружием и провиантом. 13 апреля я уже участвовал в штурме Берлина. В пригороде меня ранило в бедро. Меня поместили в 51-й полевой лазарет. В Берлине мы провели 2-3 дня и 9 мая были в Праге.

Потом была Вена и военная комендатура. СМЕРШ допросил нас «с радостью». У них уже были документы о военнопленных лагеря Лукенвальде. Туда меня и отправили служить помощником дежурного комендатуры. Я хорошо владел немецким и смог свободно изъясняться с населением. В городе меня знали уже почти все, особенно молодежь. Дошло до того, что когда пришло время уезжать в Россию, молодые люди не хотели со мной расставаться.

В июне 1946 г. я вернулся в свою деревню в России. Отец отбывал срок 10 лет в тюрьме, потому что он во время оккупации был старостой. Мой брат 1923 г.р. погиб в 1943 г. под Ленинградом. Лето 1946 г. было засушливым. Урожай зерновых и картошки был очень плохой. Год был голодным. Остаться в колхозе и работать за трудодни означало для меня голодать. Я поехал в Ленинград, демобилизовался и стал работать в Эстонии младшим топографом. В Эстонии снабжение продуктами было намного лучше, чем в России. При устройстве на работу я скрыл, что был военнопленным, и боялся разоблачения. В 1948 г. я женился. В том же году у нас родился сын. Моя жена тоже работала топографом. Мы переселились в Белоруссию, там можно было быстрее получить жилье. Я не был в плену ни полицаем, ни власовцем, поэтому, можно сказать, меня терпели. Только в 1953 г., после смерти «вождя и отца всех народов» я получил доступ к секретным документам, должен был предварительно описать в деталях мое пребывание в плену. В 1952 г. мы построили дом в Гомеле. Родился еще один сын, а потом и дочь. Я много работал, нужно было и строиться, и воспитывать детей. Моя жена работала до пенсии без перерыва в белорусском аэро-геодезическом институте. В компартию я не вступал, хотя меня долго к этому склоняли. Я дослужился до руководителя главной инженерной группы, последние пять лет перед пенсией был руководителем планово-экономической группы. Жена умерла после трех инфарктов 1 января 1989 г. Живу один. У меня трое детей, шесть внуков и семь правнуков. Хотел бы всем помочь, но возможности нет. Дети, внуки и правнуки регулярно меня навещают. Ежегодно я отдыхаю в санатории для инвалидов в Гомеле.

В конце хочу высказать свое мнение о войне и о немцах. Это не была «освободительная война против большевизма». Это была война на завоевание и уничтожение народов Советского Союза. Гитлер открыто говорил об этом в «Майн кампф» и других своих доктринах. Многие немецкие солдаты все это понимали, но были целы и задачи, которые заставляли их делать то, что они делали. Я знал много примеров человечности и милосердия со стороны немецких солдат.

На этом я завершаю мои воспоминания. Спасибо за скромную финансовую помощь, я ее использовал для ремонта моего дома. Если у Вас еще есть какие-либо вопросы, я с удовольствием отвечу.

С благодарностью и уважением

Петр Петрович Федоров